

Т. М. Николаева

НЕПАРАДИГМА-
ТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА
(История «блуждающих
частиц»)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-67-1
Н 63

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ),
проект № 07-04-16075

Николаева Т. М.

Н 63 Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). — М.: Языки славянских культур, 2008. — 376 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0231-1

Данная монография посвящена ранее не описанному в языкознании полностью пласту языка — партикулам. В первом параграфе книги («Некоторые вводные соображения») подчеркивается принципиальное отличие партикул от того, что принято называть частицами. Автор выявляет причины отталкивания традиционной лингвистики от этого языкового пласта. Демонстрируется роль партикул при формировании индоевропейских парадигм. Показано также, что на более ранних этапах существования у славянских языков совпадений значительно больше. Поэтому, например, древнерусский ближе к старославянскому (не только по составу, но и по «частицеобильности»), чем современный русский. Наконец, существенен и тот факт, что в одном языке партикулы сохраняются только во фразеологизмах, а в других — употребляются свободно. Широко используются работы классиков языкознания: Ф. Боппа, Б. Дельбрюка, К. Бругманна, Ф. Шпехта и др., а также работы самых последних лет.

ББК 81.2Рус-67-1

*В оформлении переплета использована картина
с сайта Fractal World Gallery
и фотоанagramма светлАны ивАновой*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0231-1

© Николаева Т. М., 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава первая</i>	
Теоретические предпосылки	16
§ 1. Существует ли никем не описанный пласт языка?	16
§ 2. Типы научной парадигмы и партикулы	31
§ 3. Возможности метаотображения и реальность эмпирии.....	41
§ 4. Лингвистика парадигматическая и непарадигматическая	46
§ 5. «Скрытая память» языка и возможности ее выявления. Партикулы и знаменательные слова	50
§ 6. Партикулы и происхождение языка	60
§ 7. Партикулы: индоевропейский пласт	82
§ 8. Между индоевропейским и неиндоевропейским.....	93
§ 9. Неиндоевропейский пласт партикул	102
<i>Глава вторая</i>	
Партикулы и языковая таксономия	107
§ 1. Проблема идентификации	107
§ 2. Партикулы и союзы	116
§ 3. Детерминативы.....	124
§ 4. Клитики. Что это такое?	127
4.1. Как клитики определяют?	127
4.2. Клитики и их таксономические соседи	134

4.2.А. Клитики vs. самостоятельные слова	135
4.2.Б. Клитики vs. несамостоятельные слова (аффиксы)	138
4.3. Клитика и ее «хозяин»	141
4.4. Клитики и их позиция в высказывании	151
Некоторые общие выводы к разделу «Клитики». 1	183
Некоторые общие выводы к разделу «Клитики». 2	186
§ 5. Партикулы и «местоимения»	187
§ 6. Партикулы и «глаголы»	213
§ 7. Партикулы и «имя»	228
§ 8. *s / *t — грамматический центр	234
 <i>Глава третья</i>	
Партикулы славянского пространства	253
§ 1. Некоторые вводные соображения	253
§ 2. Примарные партикулы славянского пространства	260
§ 3. Трудности метатеретического представления партикул	296
§ 4. Славянские партикулы и славянские местоимения	305
Выводы	315
 <i>Приложение № 1</i>	
Список примарных общеславянских партикул	323
<i>Приложение № 2</i>	
Список славянских партикул	324
<i>Приложение № 3</i>	
Словник партикулярного фонда славянских языков	326
<i>Приложение № 4</i>	
Славянские местоимения партикулярного фонда	351
<i>Приложение № 5</i>	
Список комбинаций и перестановок из десяти русских партикул (и, а, у, но, не, же, ли, то, къ, да)	356
Литература	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — попытка рассказать о никем ранее не описанном пласте языка, который — в то же время — столетиями отмечали и видели, но старались не замечать или квалифицировать его единицы по-разному.

Почему?

Гораздо более глубоким, чем кажется, причинам этого, корнящимся не столько в языке, сколько, пожалуй, в языкознании, посвящена первая глава этой книги. «Неявный» (или все-таки явный?) смысл этой главы — обратить внимание лингвистов на асимметрические и во всяком случае не изоморфные отношения языка и языкознания как науки о языке, на не достигнутую пока возможность лингвистики отображать адекватно все проявления языка, кстати, вполне доступные для носителей языка в их перцепции и речепорождении. У первой главы есть и другая задача — обратить внимание лингвистов на их странную нелюбовь к этим элементам, то есть ввести в языкознание некий аспект само-рефлексии.

Единицами этого языкового пласта являются те мелкие элементы, из которых состоит весь наш «коммуникативный фонд». Их любят называть частицами. В диахронических исследованиях любят говорить о «дейктических» частицах, как бы прячась за квалифицирующее прилагательное. Их также любят приписывать к какому-либо уже известному классу, делая из них почему-то «застывшие» его осколки.

Но все-таки, скажем, *ли + бо*, состоящее из двух таких элементов, не частица, а союз. Из двух таких же элементов состоит и

кь + *то*, а это уже не союз, а местоимение. Из двух «частиц» может также складываться новая частица, например, *да + же*.

Что такое дейксис в глубокой диахронии, мы по сути не знаем. Поэтому в настоящей книге о дейксисе будет говориться с осторожностью.

В англоязычной литературе частицы называются *particles*, и по-другому их назвать нельзя. Русский язык, которому мы за это благодарны, позволяет иметь два термина: и частицы, и партикулы. Но эти партикулы — не таксономическая категория привычной языковой системы. Такой класс лингвистами не описан.

Поэтому был выбран именно этот термин: **партикулы**.

Какими же они бывают, если обратиться к самой приближительной их квалификации?

Они бывают **примарными**, то есть функционирующими изолированно, и **присоединяющимися** (присоединившимися). Например, партикула *a* функционирует как самостоятельный союз русского языка, или как частица, или как междометие. Партикула *ли* функционирует как вопросительная частица в том же языке. Однако они могут присоединяться к чему-либо, например, партикула *то* может присоединяться к другим элементам, создавая местоимения: как определенные — *не + кь + то*, *о + нь + то*, так и вопросительные — *кь + то*, *чь + то*, или неопределенные — *чь + то + то*, *кь + то + то* и под.

В третьей главе нашей книги я постараюсь показать, как разнообразны способы склеивания и присоединения партикул друг к другу в славянском пространстве и какие классы слов (части речи) при этом возникают. Можно, таким образом, говорить о способах возникновения партикулярных **кластеров**. Кластеры партикул обычно не очень интересны для языковедов, так как они прозрачны, их модели тяготеют к агглютинации. Однако в дальнейшем я постараюсь продемонстрировать тягчайшие таксономические трудности, возникающие при идентификации первичных партикул, от чего, в свою очередь, зависит и трактовка их кластеров. Заранее, однако, можно сказать, что чем «многоэлементнее» кластер, тем легче верифицировать его составляющие, но и тем труднее менять возможные варианты в его составе. Так, при начальном этапе верификации можно считать *та* и *да* вариантами

одной партикулы. Но, например, в сочетании *от + ту + да* уже очевидно, что *да* не заменяется на *та*.

В истории языков (в книге в основном речь идет о славянском материале) соединения партикул как возникают, так и распадаются, выходят из употребления, переходят из литературного языка в нелитературные субдиалекты, сохраняются только в диалектах и так далее. Например, *a + no*, чешское 'да', сохранилось, а русский союз *и + no*, как будто бы сходный по структуре, из употребления вышел. Соединения партикул напоминают детскую игру — «конструктор», или, точнее, «калейдоскоп», когда при повороте игрушки мы видим все новые сочетания и новые фигуры. Исходное число партикул, как будет видно далее, совсем не так велико, скудость партикулярного репертуара очевидно и пугает лингвистов, но — как мы знаем из школьной математики — число их комбинаций, включая перестановки, огромно. Поэтому, конечно, язык использует только крошечную часть таких кластерных структур.

Интересно, хотя и с трудом доступно для понимания то, что примерно к XVI веку славянский «конструктор» понемногу перестает работать, и происходит следующее: а) сходные функции начинают выполнять слова не из партикулярного фонда; б) новые комбинации партикул не возникают.

Однако любовь партикул к «приклеиванию» создает не только кластеры различной таксономической ориентации, она создает и гораздо более интересную для языковеда вещь — **парадигмы**.

Возникновение парадигм и их эволюция суть факты, связанные с общими загадками антропоцентрической ориентации языка, точнее, его существования.

За формированием парадигм стоит формирование мысли, ее движение, поскольку выбор флексии (а флексии и есть те же партикулы; как правило, **те же** в буквальном смысле) закрепляет правильное «определение» словоформы в пространстве языка и пространстве действительности. Кроме того, в компаративистике уже давно известен тот факт, что парадигмы разных таксономических классов часто формируются одними и теми же партикулами-флексиями, но воплощающими при этом разные категориальные установки. Это также говорит о том, что число партикул

(флексий) изначально ограничено. А новые почему-то не возникают. И это при гигантском расширяющемся словаре знаменательных лексем.

Почему же все-таки, если мы говорим о парадигмах, эта книга называется «Непарадигматическая лингвистика»? Потому, что при формировании парадигм, то есть создании основы, а за ней и присоединении флексий, имеет место неслучайность выбора этих партикул-флексий. То есть осуществляется то, что я называю в своей книге «минисинтаксисом». Мысль эта не совсем новая. Отдельные намеки на сходную идею высказывались, например, по поводу окончания *-*s* в латинском *domu-s*, где флексия номинатива могла быть показателем определенности; та же мысль высказывалась и по поводу флексии 3-го лица единственного числа русского глагола: *дѣлае-тъ*, то есть — это он делает, кто-то определенный. Значительное место в книге занимает и синтаксическая проблема появления / непоявления в речи русского я (при возможном его отсутствии), которое в течение столетий, как оказывается, «свернулось» из индоевропейской интродуктивной структуры со значением ‘*вот + он + я*’. Разумеется, полностью реконструировать подобный «минисинтаксис» пока невозможно, но мне хотелось обратить внимание на его существование, доселе никем не описанное.

Лингвистика XX века, вплоть до последних его десятилетий, старалась отмахнуться и от существования партикул как отдельного класса, и от семантики «минисинтаксиса» при формировании парадигм. Почему? Этим причинам, как уже было сказано, посвящена в основном первая глава этой книги, где говорится и о тех причинах, которые обусловили именно такую эволюцию языкознания, и о некотором страхе перед двумя явлениями, которые, будучи признанными, могли бы многое изменить. Это неприятие диффузности первичных единиц языка, за которой неизбежно встает интерес к языковым первоэлементам, и, наконец, сложное отношение к вопросам о происхождении языка в целом.

Нелюбовь к этим проблемам в нашей отечественной науке вполне объяснима: они связываются почему-то обязательно с марризмом, навсегда ставшим (во многом справедливо) одиозным учением.

Таким образом, оказывается, что изучение языка в гораздо большей степени зависит от состояния и установок языкознания, и эволюция языка постепенно превращается в историю языкознания. Связь между историей языка и историей языкознания, в той или иной степени отражающей собственно языковую историю, как правило, не изучается.

Гораздо больше внимания уделяется тем проблемам, о которых я говорила выше, в языкознании зарубежном. В книге поэтому активно цитируются работы Фр. Адрадоса и особенно К. Шилдза младшего, с которым я во многом согласна и труды которого старалась достать где только возможно.

Очень радостной была для меня полная поддержка практически во всех намеченных пунктах исследования Владимира Николаевича Топорова, даже поместившего, к моему изумлению, со-общенный ему план этой моей книги в специальной статье обо мне в 2003 году. Особенно приятно и важно мне было его согласие по поводу того, что у партикул «нет и не может быть этимологии». И очень жаль, что этого текста он уже не увидит.

Однако отправным толчком для всей этой многолетней работы была статья Вяч. Вс. Иванова 1979 года о крито-микенской акцентуации, и его последующие описания начального комплекса частиц в анатолийских языках, приведенные в его книге 2004 года, были в этом отношении позднейшей поддержкой.

Поэтому декларируется существование «ником ранее не описанного в полном виде языкового пласта» и делается попытка объяснить те причины, которые, на наш взгляд, отвращали лингвистов XX века от этих языковых элементов, именно в первой, начальной, главе.

Там же делается попытка сравнения данных индоевропейских языков и партикулярного фонда языков неиндоевропейских (в основном, финно-угорских, где партикулы — «служебные слова» и местоимения — были достаточно подробно описаны в книге К. Е. Майтинской).

Совсем иное отношение к партикулам, тогда еще так не имеваемым, было в XIX веке и в начале XX века у классиков младограмматики и идеологически примыкающих к ним знаменитых лингвистов до-структуралистской поры. Так как пройти мимо их

описаний было по этой причине невозможно, то глава вторая монографии, целиком посвященная таксономической функции партикул, иначе говоря, формированию парадигм с их помощью, неизбежно во многом носит обзорный характер. Анализируются подходы Фр. Боппа, К. Бругманна, Б. Дельбрюка, Я. Ваккернагеля, Фр. Шпехта, Х. Хирта и, конечно, взгляды более современных языковедов. Во всех возможных случаях читателю предлагаются сводные таблицы, демонстрирующие различие языковедческих подходов к одним и тем же явлениям. В этом своем обращении к «старым мастерам» я не одинока. См., например, у того же К. Шилдза: «“The new image” of Indo-European morphology — the theoretical viewpoint that the inflectional complexity associated with the traditional Brugmannian reconstruction of Indo-European should be ascribed only to developments within the period of accelerated dialectal differentiation» [Shields 2001: 166]. Жаль только, что это большое и новое направление грамматической теории не нашло пока отклика в нашей отечественной лингвистике.

Неизбежно всякий, обращающийся к партикулам, должен, в свою очередь, обратиться к **клитикам** и постараться в меру сил разобраться в глубинной сущности этого промежуточного класса. Примечательно, что интерес к ним снова вспыхнул в последние десятилетия как в зарубежной лингвистике, так и у нас, породив увлекательные и доказуемые гипотезы А. А. Зализняка о важности этого языкового пласта для описания языка русского Средневековья и верификации через этот класс древних текстов, включая доказательства хронологической аутентичности многострадального «Слова о полку Игореве».

Таким образом, раздел «Клитики. Что это такое?» является центром второй главы — в той же мере, как и центральны по сути сами клитики. Я была также вынуждена обратиться к «закону Ваккернагеля», стремительно завоевывающему внимание языковедов последних десятилетий. Однако в связи с поставленной в данной книге задачей обращение к закону Ваккернагеля требовало экспериментального подхода. Поэтому в конце раздела «Клитики» представлено сравнение примыкания местоимений к глаголу и имени в русском и немецком языках (так как в современном немецком принято различать «слабые и сильные» формы

полных местоимений, и важно было сопоставить эту бифуркацию с русскими данными) с примыканием клитик в болгарском, наиболее «клитичном» языке из описываемых лингвистами.

Вторым центром второй главы можно считать описание и трактовку взглядов на два партикулярных элемента: *-s и *-t, представляющих, если взглянуть обобщенно, **парадигматический центр генерирования индоевропейской грамматики**. Этим двум элементам также посвящен специальный раздел. Как мне кажется, разгадка выбора этой консонантной пары в глубокой древности и ее позднейшей парадигматической дистрибуции ведет к каким-то глубоким открытиям в области языковых истоков и языковой коммуникации. И здесь я благодарна Вячеславу Всеволодовичу Иванову, прочитавшему этот раздел и сделавшему мне ряд очень важных замечаний и дополнений.

Эти две консонантные опоры также исследуются экспериментально-фонетически.

Таким образом, текст второй главы монографии включает в себя одновременно и обзорный компонент, и экспериментально-фонетические исследования.

Собственно грамматика партикул славянского пространства описывается в третьей главе нашей монографии.

Естественно, что эта грамматика охватывает только слова коммуникативного фонда — междометия, частицы, союзы, местоимения, местоименные наречия. Описывать же всю славянскую парадигматику означало бы дать заявку на демонстрацию грамматик всех славянских языков. А на это книга не претендует.

В третьей главе наиболее важным является выделение примарных общеславянских партикул. Согласно введенным мною правилам, такие партикулы должны удовлетворять трем требованиям: а) быть представленными во всех славянских языках; б) входить в качестве опоры в деривативные цепочки того же партикулярного фонда; в) употребляться в качестве изолированной языковой единицы. В течение столетий раздельного языкового существования славянские языки во многих случаях утратили (стерли) следы былого парадигматического центра (уже упомянутой выше пары *-s/*-t), которые восстанавливаются — совместно или по отдельности — языковедами-историками. Поэтому

славянские данные приходится описывать на уровне эмпирии сегодняшнего дня.

Это во-первых.

Во-вторых, в пределах славянского грамматического пространства разбросано множество примарных партикул, которые удовлетворяют требованиям б) и в), но не удовлетворяют требованию а), то есть не являются **общеславянскими**. Такие примарные партикулы также описаны в третьей главе, но особо.

В третьей же главе анализируются партикулярные кластеры, воплощающие в славянских языках таксономически разные категориальные классы. Показывается, как из партикул, комбинирующихся попарно, возникают местоимения: вопросительные, неопределенные, указательные, местоименные наречия, частицы и союзы. Очень явным при этом становится процесс грамматикализации: видно, как партикулы, изначально обладающие диффузной семантикой, или, скажем, семантикой неопределимой, будучи соединенными в пары, приобретают более отчетливое значение или даже значение категориального класса. Например, таково значение *-ть (о) в кластерах *тамь/тамо*, *овамь/овамо*, *сямь/сямо* и т. д. Это уже ясно очерченный в языке показатель направления, пространственный квантификатор. То же можно сказать о партикуле *-de, которая, правда, колеблется в славянском пространстве между пространством и временем, что само по себе достаточно интересно. Ср. русское *гь + de* 'где' и чешское *къ + de* 'когда'. Естественно, что при увеличении числа партикул в кластере, грамматикализация их (обычно начиная от конца слова) постепенно увеличивается.

Однако при обращении к реальному словнику партикулярного фонда славянских языков (а не на уровне общетеоретической программы) возникают столь же реальные трудности идентификации партикул, когда нужно решить вопрос о том, что необходимо считать в ряде случаев алловариантами, а что — принципиально разными партикулами. Вопрос этот относится как к обобщению / различению глухих и звонких консонантных исходов, так и к различению / неразличению партикул с разными вокальными исходами при одной и той же консонантной опоре. Этим, не всегда преодолимым для современной лингвистической теории, проблемам посвящен особый раздел третьей главы.

Заключают текст монографии краткие Выводы.

В монографии имеется также пакет Приложений:

Приложение № 1 — перечень общеславянских примарных партикул;

Приложение № 2 — перечень не общеславянских (то есть распределяющихся по отдельным славянским языкам) примарных партикул;

Приложение № 3 — перечень славянских местоимений, состоящих из набора партикул;

Приложение № 4 — общий словник партикулярного фонда славянских языков;

Приложение № 5 — набор партикулярных кластеров из 10 русских партикул: возможное и реализовавшееся (компьютерная версия).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

§ 1. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НИКЕМ НЕ ОПИСАННЫЙ ПЛАСТ ЯЗЫКА?¹

Всякий, кто имеет дело, например, со славянскими языками или даже просто с русским языком (родным языком исследователя), не может не заметить, что подавляющее большинство слов так называемого «коммуникативного фонда» состоит из мелких частичек, видимо, комбинирующихся в соответствии с некоей грамматикой порядка, представленных почти на всем пространстве Terra Slavica, имеющих одно (часто смутно) определяемое значение в изолированном виде и совсем иное значение — в зависимости от типа их комбинаций. Это, например, *ли*, входящее в ряд: *и + ли*, *ли + бо*, *а + ли*, *то + ли*, *у + же + ли* и т. д. Это также и *къ*, входящее в ряд: *къ + то*, *къ + ъ*, *нѣ + къ + то* и т. д. Примеры эти можно умножать, почти играя в какую-то игру. Так, *и* входит в ряд: *и + же*, *и + ли*, *и + то*, *и + но* (устар.), а *а* входит в ряд: *а + же*, *а + но*, *а + ж + но* и т. д. Создается впечатление чего-то близкого к детским играм вроде кубиков, конструктора или даже калейдоскопа, о чем уже мы писали в Предисловии.

Если обратиться к пространству славянского континуума, то легко увидеть, что большинство таких частичек и/или их ком-

¹ В известной мере многие излагаемые здесь и далее положения можно найти в предыдущих работах автора; см.: [Николаева 1985; 2000; 2002; 2003].

плексов совпадает в славянских языках либо полностью, либо легко пересчитывается по правилам фонетики. Но при этом — от языка к языку — они могут различаться функционально. Они могут различаться по степени принадлежности к языку литературному, к диалекту, к языку жаргонному, то есть быть фактом литературного языка, фактом того или иного диалекта, фактом просторечия. Они могут быть графически контактными в одном языке и дистантными — в другом. Однако несомненно то, что внутри славянского языкового континуума (как я постараюсь показать далее, с возможным выходом в более глубокие индоевропейские общности) существует практически единый набор таких простейших частичек и довольно единообразно работающий «порождающий конструктор», создающий комплексы из них. Несомненно и то, что отрицать существование этого фонда уже невозможно.

Нельзя отрицать также, что лингвистика по неким глубинным причинам, о которых я буду говорить подробнее в следующем параграфе, не описывает перечень этих частичек (их «словник»), правила их комбинации, их ареальные предпочтения. Однажды мне довелось делать доклад о таких частичках, и самый важный вопрос из заданных мне был таким: «А к какой части речи они относятся, в какой уровень языка они входят?» Честным был только один ответ: «Ни к какой и ни в какой». И на это я услышала ответ лингвиста: «Так не бывает». За этим моим ответом стоит многое. Прежде всего — сам по себе достаточно пугающий намек на то, что лингвистика не умеет описывать все; что в языке есть недоступные для современной лингвистической теории пласты, однако вполне доступные и понятные для носителя языка. Тем самым ставится вопрос о неадекватности (а не только о недостаточности) соотношения метаотображения и восприятия.

Особенностью описываемых элементов (частичек) является то, что многие из них вполне известны языковедам как в единичном виде, так и в комбинации и входят в каноны Академических грамматик. Это, например, союзы: *а, и, но, да, или, либо* и др.; это частицы: *то, же, даже, уже, ти, это, вонь, воть*; это местоимения: *къто, кътото, иже, нъкъто*; это наречия: *тамь, туть, здесь* < *сь + де + сь* и т. д. Однако приписать их к какому-то од-

ному классу или к одной части речи не оказывается возможным. Возможным оказывается только более или менее обширное их пересечение с уже известным классом слов.

Например, таксономически их обычно связывают с так называемыми «дискурсивными словами»; однако отнюдь не все дискурсивные слова соотносятся с этим набором. Так, в частности, авторы статей в сборнике «Дискурсивные слова русского языка» [Дискурсивные 1998] включают в их число такие слова, как *по меньшей мере, наоборот, еще раз, впрочем* и др., которые не состоят из подобных частиц; но все-таки в этом же списке находим и упомянутые частицы вроде: *только* < *то* + *ли* + *ко*, *дай* < *да* + *и*, *не* + *у* + *же* + *ли*, *не* + *бо* + *сь* и под.

Их предлагают также отнести к общей категории «незнаменательных слов», но и тут область незнаменательных слов пересекается с областью этого фонда лишь частично, поскольку в класс незнаменательных слов входят, например, предлоги, на подобные частички не разлагающиеся и имеющие иную языковую историю.

Значительное число этих единиц вводят в классы местоимений и частиц. И здесь, однако, мы можем найти исключения. В частности, не из таких частиц состоят [*кто*]-*нибудь*, *пусть*, *пускай*, *нехай*.

Например, в составе «Словника частиц», представленного в «Словаре русских частиц» Э. Шимчук и М. Щур [Шимчук, Щур 1999: 24], мы находим частицы, не восходящие к этому фонду: *буквально, вправду, впрямь, вообще, исключительно, попросту* и т. д.

Наконец, некоторые первичные частички часто выступают в роли союзов. Но исключений достаточно и тут. Возьмем хотя бы союз *хотя*. И класс междометий тоже включает в себя значительное число таких частиц. И тоже не совпадает с ними полностью, например: *Ах!*, *Ох!*, *Увы!* и т. д.

Предельно простая фонетическая структура многих таких элементов — а они состоят либо из одного гласного (V), либо из комплекса: консонант + вокал (CV)² — может привести к мысли

² Замечание, сделанное 30 лет тому назад А. Н. Савченко [Савченко 1974/2003: 141] о том, что корни, оканчивающиеся на гласную, есть

о их таксономическом соответствии слогам языка. Но и это неверно, так как существуют слоги, не имеющие аналога среди фонда таких частичек, однако знаменательные слова распадаются на них легко, например: *хо-ро-шо*.

Традиционно подобные «частички» относили к частицам. Однако, как мы уже показывали, в разряд частиц языка входят слова совсем другого происхождения. Англиязычная традиция, например, называет частицами (particles) и глагольные «расширения» типа *off, up, over* и т. д. Например:

- a. John picked up the book
- b. John picked the book up [Gries 1999].

Эпиграфом к специальной статье, посвященной частицам и их «грамматике», Г. Дункель [Дункель 1992] поставил удачные слова К. Бругмана: «Праиндоевропейские частицы с точки зрения их этимологии, формальных признаков и исходного значения в массе своей остаются в большей или меньшей степени неясными». Далее Г. Дункель пишет о назревшей необходимости реинтерпретировать многие частицы — «не только морфологически, но и семантически». Однако и он включает класс частиц в уже существующий набор индоевропейских классов морфем: корни (К), суффиксы (С) и окончания (О). К частицам он относит также превербы и предлоги. На ряде важных положений Г. Дункеля, в частности о позиционном распределении частиц и о правилах их комбинирования, я остановлюсь в дальнейшем. Важно сейчас отметить, что он находит «совершенно не поддающиеся анализу формы (*ʔ, *gho, *nò/ne)» [Дункель 1992: 17] и что «именно здесь мы доходим до наиболее раннего пласта» [Там же]. Понимая, что частицы представляют собой некий, по сути, неясный для таксономии класс (см. об этом ниже), Г. Дункель все же придерживается наиболее удобной теории — частицы есть нечто «застывшее», и осторожно называет «преувеличением» более крайние точки зрения на них — например, Г. Швицера: «Для развития

только в праиндоевропейском языке у местоимений, в дальнейшем — на протяжении данной книги — еще будет обсуждаться.